

ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСТВА (КАЗАХСКОЕ И ТУРЕЦКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЕВРАЗИИ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА)*

Анита Сенгупта

Институт азиатских исследований

им. Мовланы Абул Калама Азада, Калькутта, Индия

Идея Евразии как геокультурного пространства открывает новые возможности представления о ней. Эта территория обсуждается в политических и идеологических дебатах современных Казахстана и Турции, двух государств, которые сейчас идеально расположены не только в географическом, но и политическом, экономическом и культурном отношениях, чтобы пониматься как евразийские. Автор демонстрирует, что концептуальная идея евразийства отражает суверенные государственные интересы этих стран.

Ключевые слова: евразийство, пост-советское пространство, Центральная Кавказия, концептуализация политических отношений, суверенитет.

Идея Евразии как геокультурного пространства открывает новые возможности представления о ней. Александр Дугин, например, указывает на особый способ видения этого пространства, когда он говорит: «У Евразии нет фиксированных границ. Евразия – цивилизационная структура, это геополитический полюс»¹. Термин «Евразия» использовался евразийцами для обозначения особого географического мира, отличного как от Европы, так и от Азии. Существует аргументированное мнение по поводу того, что реальность, называемая евразийцами «Евразией», мо-

жет быть обозначена как «мегарегион»². Евразийцы по отношению к этому мегарегиону иногда пользуются словом «континент», но такое обозначение не является научным, а скорее представляет собой метафору. В новом мире России-Евразии евразийцы объявили культурную независимость как от Европы, так и от Азии. Евразийцы жестко идентифицируют этнических русских с другими восточными славянами и такими представителями мегарегиона как финно-угры, тюрки и монголы. Евразийцы однако не определяют

¹ Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй / Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора, 2007. – 382 с.

² См. I. Vinkovetsky. Eurasia and its Uses: the History of An Idea and the Mental Geography of Post Soviet Space (unpublished paper presented at the 2007 Annual Soyuz Symposium on *Locating Eurasia in Postsocialist Studies: The Geopolitics of Naming*, April 27-29, 2007, Princeton University).

* Перевод О.А. Донских.

с точностью границы Евразии, поэтому ее различные версии пересекаются. В то же время, площадь «Евразии» в их понимании примерно совпадает с границами Российской империи до 1914 года. Для традиционных евразийцев азиатская Евразия отделялась от южной части высокими горами и непроходимыми пустынями, с запада Евразия отделялась от Европы тем, что Савицкий называл «регионом между Черным и Балтийским морями». Евразийцы разработали систему детальной аргументации с целью обоснования легитимности такого географического деления. Строгая интерпретация этой географической схемы исключала все российские территории к востоку от Лены. Однако некоторые регионы, которые лежат вне российских политических границ, такие, например, как значительная часть западного Китая – рассматривались в качестве интегральной части Евразии. Евразийцы считали, что не существует разрыва вдоль Урала; в языковом, культурном и экономическом отношении есть только протяженность с запада на восток.

Эта территория обсуждается в политических и идеологических дебатах современных Казахстана и Турции, двух государств, которые сейчас идеально расположены не только в географическом, но и политическом, экономическом и культурном отношении, чтобы пониматься как евразийские. В обоих государствах есть сторонники разных определений Евразии, и они остаются актуальными в контексте переосмысления проблем на пересечении географического и социологического воображения. В то же время альтернативные позиции, которые подвергают критике традиционные определения, важны, поскольку отражают определенные интересы. Это происходит, поскольку они подчеркивают

динамизм, который определяет отношение к этому региону в контексте его современных трансформаций. Они также отражают взаимозависимость между суверенитетом и идентификацией. Это, например, можно проиллюстрировать недавним появлением термина «Центральная Кавказия» (Central Caucasasia) как альтернативы центральной Евразии. Оно было образовано явно не только для того, чтобы обозначить идентичность региона. Автор считает, что это концептуальная идея, отражающая суверенные государственные интересы определенных государств. Эта идея в принципе противостоит духу и смыслу евразийства, связываемых с Россией³. Это выводит на первый план необходимость анализа того, как геополитические идеи принимаются и концептуализируются для отражения современных реалий.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что евразийские споры сами по себе не выступают в качестве чего-то целостного, но в разных своих формах служат разным целям. Кэролайн Хамфри отмечает, что концепция Евразии позволила правящим кругам многих азиатских регионов России сформировать свое понимание, как они должны существовать в составе РФ. Что сейчас появляется, так это разнообразные трактовки того, как каждый регион понимает свои перспективы. Однако идея Евразии предоставляет арену и для формирования новых политических отношений между отдельными государственными образованиями. Хамфри доказывает, что идея Евразии оказывается очень влиятельной как при концептуализации федеративных отношений, так и при формировании политико-

³ See Papava V. Central Caucasasia instead of Central Eurasia, Central Asia and the Caucasus 2(50) (2008).

культурной специфики регионов⁴. Однако не все реакции на евразийство позитивны, есть и критики. Так, бурятская исследовательница Уханова доказывает, что евразийство опирается на сильную российскую государственность. И, как результат, нечеткость объема понятия, – это прикрытие для обновленного российского империализма. В то же время, считает она, буряты не могут отрицать идею Евразии, поскольку были ее частью в советский период⁵. Однако Хамфри замечает, что идея Евразии вновь выходит на первый план у лидеров регионов внутренней и Центральной Азии как способ ухода от периферийности. Она доказывает, что это позволяет народам внутренней Азии отстаивать право на более достойное место среди других народов. Это означает, что существуют различные региональные варианты евразийства. Евразия – это уже не просто российская концепция, и нужно принимать во внимание, что другие народы также видят себя в этом пространстве. В статье исследуется вопрос о том, как евразийская идея, сформировавшаяся в начале прошлого века, была творчески воспринята современными казахскими и турецкими политиками.

Казахстан в евразийской перспективе

За многие годы Евразия стала удобной концепцией, используемой различными казахскими политическими и интеллектуальными деятелями в разных ситуациях. Например, евразийское измерение русской и центральноазиатской географии и истории было обозначено в книге «Аз и

⁴ Caroline Humphrey, «Eurasia, ideology and the political imagination in provincial Russia», in: C. M. Hann (ed) *Postsocialism Ideas, ideologies and practices in Eurasia*, London and New York: Routledge, 1993.

⁵ See Humphrey, op. cit.

Я» современным казахским поэтом, полемистом и в настоящее время защитником окружающей среды, политиком и дипломатом Олжасом Сулейменовым. В своей книге О. Сулейменов обсуждает вопросы границ русской Евразии как пространства совместного проживания разных народов и пытается придти к пониманию того, как они могут согласовать свои судьбы в рамках единого государства, учитывая противоречивые цели составляющих его этнических групп. Однако несмотря на отстаивание этнического достоинства своего народа, Сулейменов в конечном итоге приходит к идее синтеза и взаимозависимости между славянами и тюрками. Он верит, что этот идеал культурного взаимообмена расцветал в Евразии в отдаленном прошлом и что возрождение этого прошлого является задачей творческого человека. В «Аз и Я» он пытается сделать это, выявляя тюркские лексические и нарративные элементы в одном из знаменитых памятников Средневековой Руси – Слово о полку Игореве⁶.

В то время как О. Сулейменов пытался творчески интерпретировать евразийское пространство, в современном контексте евразийство обретает значение лишь постольку, поскольку оно включено в реальную политику Казахстана. Фактически в Казахстане позиция О. Сулейменова нашла отражение как у политических аналитиков, так и у политической элиты. Например, Д. Назарбаева пишет: «Казахстан ... это евразийское государство, находящееся под влиянием и западных, и восточных ценностей. В противовес тому, что утверждают определенные политики и журналисты, мы не другой «стан». Саудовская Аравия не

⁶ For details see Harsha Ram. *Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Seleimanov's AZ i YA*, *Slavic Review*, Vol 60, No 2, Summer 2001.

является для нас исторической вехой, мы смотрим в сторону Норвегии, Южной Кореи и Сингапура»⁷.

Евразийская идея стала доктриной в ноябре 2003, когда Международный институт современной политики (Казахстан) опубликовал доклад «Казахстан, Россия, Украина: тройка лидеров Евразии»⁸. Этот союз обосновывается тем, что на протяжении ряда лет три страны обрели новую государственную инфраструктуру, создали институты рыночной экономики и выстроили стабильные политические условия.

В то же время эти страны столкнулись с необходимостью создания эффективной государственной системы, которая уводила бы от сырьевой экономики к экономике высокотехнологичной, обеспечивающей лучшие условия для ротации персонала, затрудняющей нелегальную миграцию, встраивающейся в глобальную экономику на условиях, ведущих к более высокому уровню жизни, соблюдению прав и свобод, созданию гражданского общества. Современные казахские стратегические мыслители отстаивают идею, что Казахстан и другие центральноазиатские государства, окруженные Россией, Китаем и Южной Азией, геополитически занимают центральное положение на евразийском континенте.

С чисто стратегической и геополитической точки зрения такие аналитики, как Мурат Лаумулин, аргументируют в пользу растущего значения Евразии. Он показывает, что с учетом экспансии Евросоюза и НАТО будут созданы возможности, связывающие западноевропейскую и евразий-

скую системы безопасности. Он замечает, что в будущем концепция «Атлантической Европы» сменится концепцией доминирующей «Евразийской Европы»⁹.

Среди лидеров бывших советских государств президент Казахстана Нурсултан Назарбаев является наиболее последовательным сторонником идеи евразийства. Хотя идеи президента Назарбаева косвенно указывают на концепции евразийцев 1920-х гг., эта связь является чисто риторической, и президент весьма избирательно принимает отдельные идеи лишь постольку, поскольку они вырастают из его собственного видения геополитической и демографической обстановки. Следует иметь в виду, что к моменту обретения независимости экономическая инфраструктура Казахстана была более интегрирована с российской, чем у других получивших независимость государств. Однако утверждается, что официальное казахское евразийство не должно пониматься только в контексте стратегии внешней политики и доктрины экономического реализма, тяготеющего к сохранению тесных отношений с бывшими советскими республиками и особенно с Россией. Казахское евразийство имеет и свой особый аспект, касающийся необходимости поддержания этнического равновесия и который заставляет президента подчеркивать смешанный характер казахской культуры и их тяготению не к югу, а к северу. И. Винковецкий показывает, что президент Назарбаев воспринимает евразийство как средство преодоления этнического сепаратизма и в качестве мультиэтничного замещения потерявшей свою надежность советской идентичности. Риторика президента Назарбаева, ориентированная на население

⁷ D. Nazarbaeva. Spetsifika I perspektivy politicheskogo razvitiya Kazakhstana, Bulletin No 3, 2003 http://iimp.kz/index.php?action=show&art_id=150&from=5.

⁸ See http://iimp.kz/index.php?action=show&art_id=150&from=5

⁹ Murat T. Laumulin. The Geopolitics of XXI Century Central Asia, KISI: Almaty 2007.

страны, подчеркивает, что все этнические группы, живущие сегодня в Казахстане, занимают свое законное место в сердце Евразии, и тем самым евразийство служит инструментом строительства гражданского общества¹⁰.

У Казахстана огромная сухопутная граница с Россией. Это означает, что даже в случае существенного сдвига в политике назарбаевского правительства евразийская риторика изменений не претерпит. Президент Назарбаев регулярно выступает с евразийскими речами в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева в Астане, который представляет собой пример институционализации евразийства как официальной идеологии. Вебсайт университета четко демонстрирует, что данный университет был основан декретом президента в мае 1996 года с учетом факта расширения международных контактов Республики Казахстан, ее вовлеченности в мировые интеграционные процессы и реализации идеи евразийского союза. Там же говорится, что университет – это конкретное воплощение идеи евразийства¹¹. Президент также создал Евразийский центр с миссией сформулировать принципы особого казахского евразийства, отличного от российского. Это и есть евразийство на практике.

Казахские попытки интеграции в евразийское пространство выражаются в многочисленных инициативах. Республика является лидером в продвижении региональной экономики и политической интеграции в Евразии. При президенте Нурсултане Назарбаеве Казахстан в своей внешней по-

литике стремится установить хорошие отношения с наиболее важными внешними силами. Кроме того, заметны попытки укрепить связи со странами Центральной Азии и Каспийского региона. Казахстан также играет важную роль в большинстве евразийских международных институтов и таких организаций, как Содружество независимых государств, Евразийское экономическое сообщество, Организация договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Шанхайская организация сотрудничества, НАТО и Организация безопасности и сотрудничества в Европе. В этом же ключе президентом провозглашен курс на то, чтобы Казахстан стал «трансконтинентальным экономическим мостом». Он подчеркнул это такими словами: «Занимая срединное положение между Европой и Азией и служа активной ареной для экономических и политических контактов, нынешний Казахстан может являться связующим звеном двух великих цивилизаций Запада и Востока»¹².

Тем самым гарантируется позиция Казахстана в качестве ключевого евразийского государства. В соответствии с этим предпринимаются попытки улучшить региональную транспортную сеть, трубопроводы и системы коммуникации, устранить таможенные и другие препятствия на пути торговли, поощрять туризм и другие неправительственные формы общения и в то же время усиливать трудовую мобильность и поддерживать частных инвесторов из других евразийских экономик. Мощная казахская поддержка региональной интеграции отчасти поддерживается признанием того, что Казахстану

¹⁰ Vinkovetsky I. Eurasia and its Uses: the History of An Idea and the Mental Geography of Post Soviet Space.

¹¹ См.: Gumilyov L.N. Eurasian National University website www.emu.kz.

¹² Address by H. E. Mr Nursultan Nazarbaev, President of the Republic of Kazakhstan to the twenty-eighth session of the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, Paris, November 15, 1995.

выгодны улучшающиеся связи евразийских государств. Существует также убеждение, что благодаря интеграции на евразийском уровне Казахстан и его соседи достигнут большей свободы маневра в отношениях с крупными державами, проявляющими свою активность в этом регионе, и снизят риск зависимости от какого-либо одного поставщика, потребителя или рынка.

Росту регионального благосостояния, предсказанному экономистами, эта интеграция явно способствует и позволит Казахстану развивать свою экономическую активность и реализовать свой потенциал в качестве естественного перекрестка коммерческих связей, ведущих с севера на юг и с запада на восток. Это также требует ликвидации искусственных экономических и политических препятствий для свободного движения товаров и людей между евразийскими государствами. Существует мнение, что география Казахстана позволяет ему решающим образом влиять на два наиболее важных евразийских субрегиона – Центральной Азии и Прикаспия.

Кроме того, Казахстан неоднократно вносил предложения для Евразийского союза, которые касались широкого спектра совместных усилий в сфере политики, экономики и безопасности. Идея Евразийского союза родилась в середине 1990-х гг. и предполагала развивать экономическую, социальную и до определенной степени политическую интеграцию на постсоветском пространстве.

Евразийский союз был задуман первоначально как таможенный союз и общее экономическое пространство, а также для того, чтобы дать возможность жителям бывших советских республик пересекать недавно установленные границы в безвизовом режиме. Президент Назарбаев подчер-

кивал слабости Содружества независимых государств. В противовес ему Евразийский союз должен быть усилен за счет создания исполнительного комитета и парламента. Усилия должны быть направлены на создание эффективных институтов экономической интеграции и взаимной безопасности для того, чтобы избежать ненужных расходов на пограничный контроль. Президент Назарбаев считает, что мир сейчас находится в процессе интеграции, а на постсоветском пространстве эта интеграция облегчается тем фактом, что еще недавно это было объединенное экономическое пространство. Когда эта инициатива провалилась, президент Назарбаев подтвердил свою приверженность союзу, выступив с новой инициативой в апреле 2007 года. Эта инициатива касалась границ и регулирования водных ресурсов, которые усложняли отношения центральноазиатских государств, но при этом могли быть решены коллективными усилиями.

В ноябре 2007 года Организация безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ) приняла решение сделать Казахстан председателем в знак растущего значения этой страны для Евразии. Казахские официальные лица характеризуют это как признание успеха их страны в проведении экономических и политических реформ, лидирующей роли в Европе и Центральной Азии и их вклада в построение моста между бывшими советскими республиками и другими членами ОБСЕ.

В более широкой международной перспективе идеологическое значение Евразийского союза предполагается как самоочевидное движение. Президент говорит: «...Нам совершенно очевидно, что сегодня главная тенденция мирового развития – это глобальная интеграция, и вдохновляющий

пример стран-членов Евразийского союза находит поддержку в самых разных регионах мира. Движения в пользу объединения идут в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. В той же плоскости лежит идея, выдвинутая Казахстаном и имеющая немало сторонников за пределами его границ, за создание Евразийского союза на территории бывшего Советского Союза. Наряду с преследованием очевидных экономических целей, это еще и стремление интегрировать бывшие советские республики в области науки, культуры, образования и информации. Я уверен, что в следующем столетии и дальше объединенный субконтинент Европы и Азии должен развиваться как единое целое ради будущего наших детей и их потомков и что придет день, когда Европа и Азия будут развиваться вместе, опираясь на огромные природные и человеческие ресурсы»¹³.

Евразийская идея, таким образом, предстает не только на экономическом и политическом уровне, но и как идеал для будущего культурного развития. Президент Назарбаев призвал к созданию евразийского исследовательского центра, который бы сосредоточился на изучении уникального духовного наследия евразийских народов.

Идея «евразийского пространства» служит для президента Назарбаева нескольким политическим целям. Уже говорилось, что одна из наиболее принципиальных – поместить страну прямо в центр гораздо более значительного и потенциально более важного единства¹⁴. На первый взгляд, ка-

жется, что Казахстан помещается далеко от главных мировых путей, отсюда проблемы с поддержанием торгового баланса и непростая геополитическая ситуация. В своем геополитическом анализе президент Назарбаев пишет:

«Из нашего выгодного положения в центре Евразии мы можем легко увидеть процесс построения новой системы международной безопасности, идущей на западе. Например, НАТО активно продвигается на восток к границам России. На востоке и юго-востоке азиатские страны продолжают искать пути политической и военной кооперации в рамках своих структур. Если посмотреть на географическую карту, легко заметить, что выстраивается вертикальный ряд евразийских государств от России на севере до Индии на юге (центральноазиатские страны, Иран, Пакистан), которые еще не связаны ни с востоком, ни с западом. Я бы назвал этот пояс государств, расположенных вдоль меридиана в центре Евразии, «поясом выживания». Несмотря на все различия между этими странами они образуют относительно прочную группу с точки зрения ресурсного потенциала и возможностей влияния не только на баланс сил в Азии и в Европе, но и на геополитический мировой баланс. Безопасность Европы и особенно Азии, отношения между крупнейшими экономическими центрами Западной Европы и Юго-Восточной Азии будут в высокой степени зависеть от того, насколько страны этого «пояса выживания» определятся в своих позициях и ориентациях. Самой большой и пока самой сильной из этих стран является Россия. Именно ее выбор определит стабильность в мировом масштабе и, конечно, в масштабе Евразии»¹⁵.

¹⁵ Н.А. Назарбаев. Снять с Евразии «пояс выживания». Интервью «Казахстанской правде».

¹³ From the *Address by H. E. Mr Nursultan Nazarbaev, President of the Republic of Kazakhstan to the twenty-eighth session of the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*.

¹⁴ Vinkovetsky I. *Eurasia and its Uses: the History of An Idea and the Mental Geography of Post Soviet Space*.

Назарбаевский «пояс выжидания» особенно интересен тем, что подразумевает вертикальное определение евразийского пространства, тогда как обычно оно видится в горизонтальной плоскости. Подход также важен и с точки зрения ряда стран, которые в него включены: Россия, Индия и страны между ними, т.е. центральноазиатские республики, Иран и Пакистан. Умолчания, разумеется, тоже показательны. Определение исключает Афганистан, государство, которое рассматривается сейчас в качестве одного из звеньев евразийского пространства. Еще существенно то, что Казахстан оказывается прямо в центре так представленной Евразии. Фактически доказывается, что президент Назарбаев переместил свою столицу так, что ее местоположение совпало с центром Евразии, как он ее определяет. Но есть еще одно измерение назарбаевской Евразии. Она рассматривается как союз, предполагающий создание единого экономического пространства на территории бывшего Советского Союза. Назарбаев подчеркивает, что это ни в коем случае не является реставрацией Советского Союза, но такой постсоветской конструкцией, которая несколько напоминает Союз Европы.

Конечно, это вертикальное определение имеет предшественников. Так, линия Север – Юг рассматривалась в качестве альтернативного транспортного пути, связывающего Россию с Ираном и Индией. Этот коридор задумывался как путь из индийских портов через арабское море к южноиранскому порту Бандар Аббас, откуда товарный поток пересекает Иран до Каспия и морем до российского сектора. Оттуда путь тянется по Волге через Москву в Се-

верную Европу. Вместе с Россией, Индией и Ираном к этому проекту позже присоединились Беларусь, Казахстан, Таджикистан и Азербайджан. Недавно туркменский президент Гурбангулы Бердымухаммедов во время встречи с иранскими лидерами выразил интерес к этому проекту¹⁶.

Турция в евразийской перспективе

Концепция Евразии занимает важное место в политических дискуссиях в Турции с начала 1990-х. Она воспринимается как одна из ключевых концепций, отражающих геополитическую стратегию страны, ее международное положение и национальную безопасность.

В Турции термин «Евразия» сам по себе определяется по-разному. Обычное его понимание как группы континентов Европы и Азии в Турции дополняется специфическим пониманием группы регионов, где проживают тюркские народы, включая Турцию, Балканы, часть Кавказа, центральноазиатские государства, Российское Поволжье и Северный Афганистан. Однако определения, даваемые разными группами турецкой политической элиты, различаются, отражая их политические позиции. Сулейман Демирель, конструктивно определявший роль Турции в Евразии, считал Балканы, Кавказ, Центральную Азию, Средний Восток, Турцию, Иран и Ирак частями одного региона. Эти определения сами по себе являются важными индикаторами турецкой внешней политики. Разрабатывая ключевые принципы классического геополитического дискурса, евразийские теоретики в Турции пришли к ряду оригинальных выводов. Интересным примером

Almaty October 21, 1995. Цит. по: I. Vinkovetsky. Eurasia and its Uses: the History of An Idea and the Mental Geography of Post Soviet Space.

¹⁶ Central Asia: Turkmenistan Pushing North-South Trade Corridor with Iran», *Radio Free Europe/Radio Liberty*, Wednesday, June 20, 2007.

является работа профессора Мармарского университета Рамазана Озея «Теория центрального доминирования тюрков». Он делает вывод, что Анатолия является «мировой крепостью» (*Dunya kalesi* по-турецки, или «хартленд»¹⁷ в классическом значении) и правящая страна – Анатолия. Обладая этим акрополем, Турция имеет возможность контролировать регионы «внутреннего полумесяца» (*İc cember* по-турецки, «внутренний полумесяц», по МакКиндеру). Согласно Озею, это Балканы и Евразия. В качестве мировой крепости Турция будет править миром (*Diş Cember* по-турецки и «внешний полумесяц в теории МакКиндера»¹⁸).

Главный стратегический выбор, стоящий перед Турцией, – это или ориентация на ось Израиль/США, которая выдвигает Турцию на роль региональной державы в евразийском контексте, или ориентация на Евросоюз, которая ведет преимущественно к экономическому развитию. Выбранное направление внешней политики не только определит иностранные отношения Турции, но и сильно повлияет на внутреннюю политику. Предполагается, что интеграция с Евросоюзом принесет процветание и поможет разрушить аппарат традиционного авторитарного государства и снизить значение военных. Усиление стратегического альянса со США/Израилем поддержит нынешнюю идеологическую конфигурацию. Однако во втором сценарии Турция может быть важным игроком в регионе без

¹⁷ «Хартленд» (букв. сердечная, сердцевинная земля) в данном случае используется по аналогии с этим термином как он употребляется в классической работе МакКиндера «Географическая ось истории» (1904) по отношению к Евразии в целом. – прим. переводчика.

¹⁸ Cited from Ruben Safrastyan, «The Concept of Eurasia and Turkey's Regional Strategies», Global Politician 24 May 2005 web version at <http://www.globalpolitician.com/articleides.asp>

подрыва современных связей. Евразийская Турция будет более твердой в своей политике на Кавказе и в Центральной Азии. Ключевой в этой стратегии трубопровод Баку–Джейхан уже находится в процессе реализации.

В течение 1990-х гг. представители большого числа происламистских и протюркских политических сил разработали модель турецкой евразийской политики как альтернативы традиционной прозападной политике. Она основывалась на идее кооперации наиболее важных сил Евразии – Турции, Ирана и России. Частично этот поворот базируется на преимуществе представления Турции как модели для огромного региона, где существует опасность исламизации. В течение этого времени взгляды относительно Евразии и Турции трансформировались не только в университетских кругах, но также и в кругах, которые традиционно являются кемалистскими, как и армия. Официальные документы сейчас представляют Турцию как «евразийское государство, стремящееся к усилению связей как с западом, так и с востоком. С конца 1990-х политический истеблишмент, а также лидеры Демократической левой партии (ДЛП), а за ней также Партия справедливости и развития (ПСР) настаивают на регионально ориентированной внешней политике, учитывая местоположение Турции на перекрестке Европы и Азии. Евразийское направление турецкой внешней политики отражено в политических программах таких партий, как Социал-демократическая народная партия (СДНП) и Партия Новой Турции (ПНТ).

Однако есть некоторые ограничения в применении идеи евразийства для Турции. Первое – это очень существенные разногласия во мнениях в самой Турции отно-

сительно ее международной политики. Отступление от ориентации на США/Европу до сих пор неприемлемо для значительной части политического истеблишмента. Приоритет отдается отношениям Турции со США и Европой. Несмотря на отдельные возражения это остается константой для Турции, начиная с возникновения республики в 1923 году. Второе ограничение – недостаток согласия в понимании Евразии и евразийства. Отношения Турции с тюркскими регионами России во многом определяются общими рамками отношений Турции с Россией и Советским Союзом. В постсоветскую эпоху Россия продолжает оставаться фактором, определяющим эти отношения. Отношения Турции с республиками Центральной Азии и Кавказа остаются непростыми на экономической и культурной аренах. Фактически слово «турецкий» используется в Центральной Азии с осторожностью, и Турция рассматривалась как одна из возможных альтернатив в переходный период и не только.

Нужно иметь в виду, что внутри Турции восприятие партнерства со США и НАТО далеко не однородно. Известно, что часть военного истеблишмента критически настроено по отношению к традиционным крепким связям с НАТО и США и выступают за восточную ориентацию на Россию, Китай и Иран, т.е. за позицию, которая обозначается как «евразийство»¹⁹. Хотя евразийству недостает убедительности в стратегическом плане, он привлекает как указание на поворот к востоку. Преобладающие умозаключения относительно евразийства таковы, что в своем настоящем виде евразийство в Турции представляет

собой внешнеполитическую альтернативу, защищаемую определенными группами с разными идеологиями, положениями и подходами в отношении места Турции на постсоветской международной арене. Есть, однако, существенные препятствия для того, чтобы эта альтернатива воплощалась в реальность. Турция продолжает проводить преимущественно прозападную политику, и этот регион играет, по-видимому, второстепенную роль. Также подчеркивается, что Турция – лишь один из игроков в этом регионе и явно не самый важный. Общее впечатление таково, что три крупнейших игрока в этом регионе – Россия, Китай и США – все более и более вовлекаются сюда, не считая менее влиятельных игроков, таких как Индия, Иран, Япония и Евросоюз. Любая перемена в турецкой внешней политике приведет к проблемам в отношениях со всеми этими игроками. Следовательно, если иметь в виду региональный баланс сил, трудно предположить, что евразийство может стать реальной возможностью. Нельзя в то же время отрицать, что ситуация может измениться в ближайшие годы. Общественная поддержка Евросоюза внутри Турции в настоящее время крайне низка, и растут антиамериканские настроения. Это может в ближайшие годы усилить позиции евразийства.

Подобный прагматический подход достаточно влиятелен среди турецких политиков, которые воспринимают Евразию в качестве инструмента для поддержки членства в ЕС. Следует помнить, что связи, которые были установлены между Турцией и тюркскими республиками в первой половине 1990-х, не рассматриваются в качестве альтернативы отношениям с ЕС. С другой стороны, предполагается, что особые отношения Турции с этими республиками

¹⁹ Karaveli H.M. Islamic Western Embrace Fuels Eurasiansim in Turkish Military, *Turkey Analyst*, 13 February 2009 <http://www.silkroadstudies.org/new/inside/turkey/2009/090508B.htm>

могут быть использованы для усиления заявки Турции на членство в ЕС. Поэтому существуют попытки представить Турцию в качестве моста между Европой и Евразией, который поможет ЕС и США развивать свои отношения с новыми независимыми республиками. Эту установку отражает тот факт, что в первые годы независимости этих республик турецкое Министерство иностранных дел, вдохновленное перспективой укрепления отношений с тюркскими государствами, помогло организовать первый Тюркский саммит в надежде, что он станет регулярным событием. Внутренняя противоречивость такого подхода, унаследованная от прошлого, также очевидна из того факта, что в Турции эти собрания назывались «Саммитами тюркоговорящих государств» при том, что *lingua franca* на этих собраниях был русский²⁰. С концом Холодной войны падающее стратегическое значение Турции вынудило ее принять на себя роль региональной державы, чтобы подчеркнуть свою ключевую роль в Евразии, основанную на этнических и культурных связях с новыми независимыми государствами Кавказа и Центральной Азии. В этом Турция обеспечила себе западную поддержку, которая учитывает ее светские и либеральные ценности. Надежды Турции также опирались на внутреннюю политику и геоэкономику. Для того, чтобы поддерживать растущий товарооборот и экспорт, Турция обратилась к нетронутым рынкам Центральной Азии для торговли и инвестиций. Кроме того, рост этнической идентификации в Турции вызвало текущее отрицание Европейского сообщества интегрировать Турцию в свою организацию.

²⁰ Winrow G.M. Turkey and the Newly Independent States of Central Asia and the Caucasus, *Middle East Review of International Affairs* 1, no 2 (July 1997).

Поиск новой исторически укорененной турецкой идентичности был, таким образом, поддержан светским истеблишментом.

Осознание границ турецкого влияния на тюркские республики оказалось вполне операциональным при трансформации Евразии в более прагматичную геоэкономическую концепцию турецкой внешней политики. Это стало очевидным во второй половине 1990-х, когда Запад и Россия оказались заинтересованными в строительстве новых нефтяных и газовых трубопроводов в регионе. Тогда как Россия пыталась установить полный контроль над природными ресурсами данного региона, США поддерживали проекты вроде нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан и Восточно-Западного коридора, опираясь на географическое положение Турции. Примерно в то же время Турция начала продвигать себя не только в качестве моста, но в качестве «перекрестка», «перевалочного пункта» или «центра» транспортных потоков из Центральной Азии и Каспия на запад²¹. И Демирель, и Исмаил Джем, тогдашний министр иностранных дел, часто подчеркивали эту новую геоэкономическую роль, которую Турция играет в Евразии. Эта роль подчеркивается строительством трубопроводов через территорию Турции, так что новые независимые государства Центральной Азии и Кавказа могли обеспечить свою политическую и экономическую независимость от России. Демирель, предвидя эту новую роль, в рамках своего так называемого «евразийского проекта», который он описывал как заявку на то, чтобы связать Европу и Азию с помощью разнообразных нефте- и газопроводов, проходящих по территории

²¹ Ersen E. Central Asia or Eurasia? The Ideological and Pragmatic Factors Defining Turkey's Foreign Policy in the Region.

Турции²². С другой стороны, Джем мыслил новую роль Турции в Евразии более глубоко. Он предвидел появление «евразийского порядка», в котором стала бы геополитическим центром Евразии «благодаря своей двумерной идентичности, происходящей из благоприятного обстоятельства быть азиатами и европейцами. Это определило подход турецкого правительства к Евразии в 2000-е годы.

События, которые воспоследовали за террористическими атаками на США 11 сентября внесли определенные коррективы в то, как Турция понимала значение центральноазиатского региона. С одной стороны, война против терроризма означала, что геостратегическое значение Турции как региональной силы, способной повлиять на тюркские республики, существенно возросло, насколько это касалось США. С другой стороны, на новую высоту поднялись турецко-российские отношения²³. Восстановление дружественных отношений между Турцией и Россией было продемонстрировано, когда в сентябре 2001 Исмаил Джем предложил создать стратегический треугольник Москва – Анкара – Центральная Азия, который мог функционировать в качестве региональной платформы для решения региональных проблем²⁴. Предложение Джема

позже отразилось в «Плане действий» по кооперации в Евразии», который был подписан вместе с Министром иностранных дел РФ Игорем Ивановым в ноябре 2001 г. «План действий» явился первым официальным документом, определившим российско-турецкие взаимоотношения как «многомерное партнерство». При подписании этого документа две страны решили создать Объединенную рабочую группу, в которую вошли высокопоставленные официальные лица министерств иностранных дел обеих стран для регулярных встреч для обеспечения более тесной кооперации при решении региональных проблем, касающихся Центральной Азии, Кавказа и Афганистана, а также проблем безопасности, терроризма, энергетики и торговли²⁵. Этот «План действий» призывает к формированию партнерских отношений между Россией и Турцией в региональных и международных делах, и в первую очередь в Евразии. Документ создал новый механизм для консультаций – Объединенную рабочую группу высокого уровня, в которую вошли министры иностранных дел. Сферы кооперации были определены очень широко и включают политическое разрешение конфликтных ситуаций, укрепление стабильности и создание условий для устойчивого развития в Центральной Азии. В телефонном разговоре между президентом Турции Ахметом Неджетом Сезером и российским президентом В.В. Путиным главы государств подчеркнули «необходимость

²² For Demirel's Eurasian Project see «Hedef: Türkiye-Avrasya Enerji Koridoru» (Target: Turkish Eurasian Energy Corridor) *Cumhuriyet*, 6 October 1999 and «Ruşya'sız barış Olmaz» (No Peace Without Russia) *Cumhuriyet* 19 October 1999 cited from Ersen, «Central Asia or Eurasia? The Ideological and Pragmatic Factors Defining Turkey's Foreign Policy in the Region».

²³ See Fotios Moustakis and Ella Ackerman, «September 11: A Dynamic for Russo-Turkish Cooperation or Conflict?» *Central Asian Survey* 21, no 4 (2002).

²⁴ See Ozgen Acar, «Ankara-Moskova-Orta Asya Stratejik Ucgeni» (Ankara-Moscow-central Asia Stra-

tegic Triangle) *Cumhuriyet* 11 September 2001 cited from Ersen, «Central Asia or Eurasia? The Ideological and Pragmatic Factors Defining Turkey's Foreign Policy in the Region».

²⁵ Текст документа можно посмотреть на сайте Посольства РФ в Турции: http://www.turkey.mid.ru/relat_2

наращивать усилия международного сообщества в борьбе с терроризмом»²⁶.

Отмечалось, что время для подписания договора было выбрано особенно любопытно – он был подписан уже через два месяца после событий 11 сентября. Это время, когда национально-патриотические круги Турции были особенно настроены в пользу евразийства, который был уже хорошо известен в России как геополитический союз между странами Евразии. Идея национал-патриотизма (*ulusalcılık*) усилила непрочную связь между ультралевыми и ультраправыми группами для защиты принципов Ататюрка, в частности, государственного контроля над экономикой и секуляризации. И защитники этих идей уже предлагали создать стратегическую ось между Турцией, Россией и Центральной Азией. Эти идеи в Турции были тесно связаны с растущим разочарованием по поводу процесса вхождения в ЕС. Различия между Турцией и ЕС по ряду вопросов напомнил генерал Тункер Килинк, в то время секретарь Турецкого совета национальной безопасности, предлагая сформировать ось Турция – Россия – Иран для того, чтобы дать отпор неправомерным требованиям ЕС.

Хотя его взгляды были отвергнуты Турецким генштабом и правительством, они указывают на пророссийские элементы в турецкой армии. Соответственно, российско-турецкое сотрудничество получило новый импульс. Обе страны рассчитывают играть важную роль в новых стратегических и геополитических условиях для достижения своих политических целей как внутри, так и на международной арене.

²⁶ Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, *Daily News Bulletin*, 28 September 2001 cited from Moustakis and Ackerman, «September 11: A Dynamic for Russo-Turkish Cooperation or Conflict?».

Выводы

Несмотря на то что различные определения Евразии имеют своих сторонников, важной и наиболее обсуждаемой является проблема влияния этой идеи на изменчивые политические реалии. В течение времени возник ряд евразийских концепций, и нынешнее положение дел требует анализа представляемых ими возможностей. Современные казахские и турецкие определения дают несколько альтернатив, которые анализируются в настоящей статье. В современном контексте евразийство обрело такое значение, что оно позволяет строить такие новые пути развития, которые противостоят риторике националистической политики исключительности. Институционализация евразийства находится в процессе формирования на огромном пространстве. Эта институционализация сегодня видна в том, что Договор о коллективной безопасности (ДКБ) стал Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская пятерка переименована в Шанхайскую организацию сотрудничества. Эффективность этих организаций зависит и от их развития на международной арене, и от их развития на евразийском пространстве. То, как понимается «Евразия», определит контуры будущего для этих организаций. В этом контексте перспективы евразийства имеют важное значение для понимания современной политики.

Литература

Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй / А. Дугин // Очерки геополитики XXI века. / Серия. Политология. Геополитика. – СПб.: Амфора, 2007. – 382 с.

Международный институт современной политики (ИМП). Республика Казахстан. URL : http://iimp.kz/index.php?action=show&art_id=150&from=5

Назарбаев Н.А. «Снять с Евразии «пояс выжидания». Интервью «Казахстанской правде», Almaty October 21, 1995. Цит. по: I. Vinkovetsky, «Eurasia and its Uses: the History of An Idea and the Mental Geography of Post Soviet Space». Annual Princeton SOYUZ Symposium, 27–29 April 2007, p. 15.

Посольство Российской Федерации в Турции. Официальный сайт. URL : http://www.turkey.mid.ru/relat_2

Address by N. E. Mr Nursultan Nazarbaev, President of the Republic of Kazakhstan to the twenty-eighth session of the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, Paris, November 15, 1995.

Central Asia: Turkmenistan Pushing North-South Trade Corridor with Iran/ Radio Free Europe/Radio Liberty. – 2007. – June 20.

Humphrey C. Eurasia, ideology and the political imagination in provincial Russia / Caroline Humphrey // Eurasia and the political imagination in provincial Russia, in C. Hann (ed.) Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia. London : Routledge, 2002. – P. 258–276.

Laumulin M.T. The Geopolitics of XXI Century Central Asia. – Almaty: Kazakh State University, 2007. – 281 p.

Monstakis F., Ackerman E. September 11: A Dynamic for Russo-Turkish Cooperation or Conflict // Central Asian Survey. – 2002. – V. 21. – N 4. – P. 423–434.

Ram Harsba. Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Seleimanov's *AZ i LA* // Slavic Review. – 2001. – Vol. 60. – No 2, Summer.

Vinkovetsky I. Eurasia and its Uses: the History of an Idea and the Mental Geography of Post

Soviet Space / Ilya Vinkovetsky // Unpublished paper presented at the 2007 Annual Soyuz Symposium on Locating Eurasia in Postsocialist Studies: The Geopolitics of Naming, April 27–29, 2007, Princeton University.

Winrow G. M. Turkey and the Newly Independent States of Central Asia and the Caucasus. / Garet M. Winrow // Middle East Review of International Affairs. Vol. 4, Issue 2, July 1997, p. 151.

Ersen Emre: Central Asia or 'Eurasia'? The Ideological and Pragmatic Factors Defining Turkey's Foreign Policy in the Region. URL : <http://www.kimburda.com/emre-ersen/>

Gumilyov L.N. Eurasian National University website. URL : www.emu.kz.

Karaveli H.M. Islamic Western Embrace Fuels Eurasianism in Turkish Military / Halil M. Karaveli // Turkey Analyst. – 2009 – 13 February. URL : <http://www.silkroadstudies.org/new/inside/turkey/2009/090508B.htm>

Nazarbaeva D. Spetsifika I perspektivy politicheskogo razvitiya Kazakhstana // Bulletin. – 2003. – No 3. – http://iimp.kz/index.php?action=show&art_id=150&from=5.

Papava V. Central Cucasasia instead of Central Eurasia / Vladimer Papava // Central Asia and the Caucaus. – 2008. – №2 (50). URL : www.cicerofoundation.org/.../Vladimer_Papava_On_the_Geopolitics_of_Central_Caucaso_Asia.pdf

Safrastyan R. The Concept of Eurasia and Turkey's Regional Strategies / Ruben Safrastyan // Global Politician. – 2005. – 24 May. URL : <http://www.globalpolitician.com/articleides.asp>